

Эпоха

1864. Январь-Февраль

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э72

Э72 Эпоха: 1864. Январь-Февраль / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 888 с.

ISBN 978-5-518-09135-1

ISBN 978-5-518-09135-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

качнулся впередъ, смѣшался весь, легко волнуясь какъ дымъ — и луна опять мирно забѣлѣла на гладкомъ полу.

III

Я провелъ день въ волненіи. Заужиномъ я выпилъ почти цѣлую бутылку вина, вышелъ было на крыльцо, но вернулся и бросился въ постель. Кровь тяжело колыхалась во мнѣ.

Опять послышался звукъ... Я вздрогнулъ, но не оглянулся. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то тѣсно обнялъ меня сзади и въ самое ухо мнѣ лепечеть: «Приди, приди, приди»... Затрепетавъ отъ испуга, я простоналъ:

— Приду! я выпрямился.

Женщина стояла наклонясь возлѣ самаго моего изголовья. Она слабо улыбулась и исчезла. Я однако успѣлъ разглядѣть ея лицо. Мнѣ показалось, что я видѣлъ ее прежде; — но гдѣ, когда? Я всталъ поздно и цѣлый день бродилъ по полямъ, подходилъ къ старому дубу на окраинѣ лѣса и внимательно осматривался кругомъ.

Передъ вечеромъ я сѣлъ у раскрытаго окна въ своемъ кабинетѣ. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю — но я не прикасался къ ней... Я все недоумѣвалъ и спрашивать себя: «не съ ума ли я схожу?» Солнце только что закатилось — и не одно небо зардѣлось — весь воздухъ внезапно наполнился какою-то почти неестественнымъ багрянцемъ: листья и травы, словно покрытыя свѣжимъ лакомъ, не шевелились; въ ихъ окаменѣлой неподвижности, въ рѣзкой яркости ихъ очертаній, въ этомъ сочетаніи сильного блеска и мертвой тишины было что то странное, загадочное. Довольно большая сѣрая птица вдругъ, безо всякаго шума, прилетѣла и сѣла на самый край окна... Я посмотрѣлъ на нее — и она посмотрѣла на меня сбоку своимъ круглымъ, темнымъ глазомъ. «Ужъ не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» подумалъ я.

Птица тотчасъ взмахнула своими мягкими крылами и улетѣла по прежнему безъ шума. Я долго еще сидѣлъ у окна — но я уже не предавался недоумѣнію: я какъ будто попалъ въ заколдованный кругъ — и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, какъ еще задолго до водопада, стремленіе потока

увлекает лодку. Я вострепенулся наконец. Багрянец воздуха давно исчезъ, краски потемнѣли и прекратилась заколдованная тишина. Вѣтерокъ запорхалъ, луна все ярче выступала на поспѣвшемъ небѣ — и скоро листья деревьевъ заиграли серебромъ и чернью въ ея холодныхъ лучахъ. Моя старуха вошла въ кабинетъ съ зажонной свѣчкой, но изъ она дохнуло на нее — и пламя погасло. Я не могъ выдержать болѣе, вскочилъ, нахлобучилъ шапку и отправился въ уголь лѣса къ старому дубу.

IV

Въ этотъ дубъ, много лѣтъ тому назадъ, ударила молнія; верхушка переломилась и засохла, но живни еще сохранилось въ немъ на нѣсколько столѣтій. Когда я сталъ подходить къ нему, на луну набѣжала тучка: было очень темно подъ его широкими вѣтвями. Сперва я не замѣтилъ ничего особеннаго; но глянуть въ сторону — и сердце во мнѣ такъ и упало: бѣлая фигура стояла неподвижно возлѣ высокаго вѣста, между дубомъ и лѣсомъ. Волосы слегка заневелились у меня на головѣ; но я собрался съ духомъ — и пошелъ къ лѣсу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился къ ней, мѣсяцъ засіялъ снова. Она казалась вся какъ-бы сотѣана изъ полупрозрачнаго, молочнаго тумана — сквозь ея лицо мнѣ видѣлась вѣтка, тихо колеблемая вѣтромъ — только волосъ да глаза чуть-чуть чернѣли, да на одномъ изъ пальцевъ сложенныхъ рукъ блистало блѣднымъ золотомъ узкое кольцо. Я остановился передъ нею и хотѣлъ заговорить: но голосъ замеръ у меня въ груди, хотя собственно страха я уже не ощущалъ. Ея глаза обратились на меня: взглядъ ихъ выражалъ не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное вниманіе. Я эдакъ, не произнесеть ли она слова: но она оставалась неподвижной и безмолвной, и все глядѣла на меня своимъ мертвенно-пристальнымъ взглядомъ. Мнѣ опять стало жутко.

— Я приползу! воскликнулъ я наконецъ съ усиліемъ. Глухо и чудно раздался мой голосъ.

— Я тебя люблю, слышался шопотъ.

— Ты меня любишь! повторилъ я съ изумленіемъ.

— Отдайся мнѣ, снова прошлепело мнѣ въ отиѣтъ.

— Отдайся тебѣ! Но ты призракъ—у тебя нѣтъ тѣла нѣтъ.—Странное одушевленіе овладѣло мною.—Что ты такое, дымъ, воздухъ, паръ? Отдайся тебѣ! Отвѣчай мнѣ сперва кто ты? Жила-ли ты на землѣ? Откуда ты явилась?

— Отдайся мнѣ. Я тебѣ зла не сдѣлаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрѣлъ на нее. «Что это она говоритъ?» подумалъ я. «Что это все значитъ? И какъ же она возьметъ меня? Или попытаться?»

— Ну хорошо, произнесъ я вслухъ и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнулъ. — Возьми меня!

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ таинственная фигура съ какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго на мигъ задрожало ея лицо, покачнулася впередъ, руки ея отдѣлились и протянулись... И хотѣлъ было отскочить; но я уже былъ въ ея власти. Она обхватила меня, тѣло мое поднялось на полъ-аршина отъ земли — и мы оба поплыли плавно и не слишкомъ быстро надъ неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась — и я невольно закрыть глаза... Минуту спустя, я открылъ ихъ снова. Мы неслись по прежнему. Но уже лѣса не было видно: подъ нами разстилалась равнина, усеянная темными пятнами. И съ ужасомъ убѣдился, что мы поднялись на страшную высоту.

«И пропасть, я во власти сатаны» сверкнуло во мнѣ какъ молнія. До того мгновенья мысль о павожденнй нечистой силы, о возможности гибели, мнѣ въ голову не приходила. Мы все мчались, и казалось забирали все выше и выше.

— Куда ты несешь меня? простоналъ я наконецъ.

— Куда хочешь, отвѣчала моя спутница. Она вся прильнула ко мнѣ: лицо ея почти прислонилось къ моему лицу. Впрочемъ я едва ощущалъ ея прикосновеніе.

— Опустя меня на землю; мнѣ дурно на этой высотѣ.

— Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался — и тотчасъ же почувствовалъ, что падаю какъ брошенный камень... воздухъ засвисталъ въ моихъ волосахъ.

Когда я опомнился, мы опять плавно неслись надъ самой землей, такъ что цѣплялись за верхушки высокихъ травъ.

— Поставь меня на ноги, началъ я.—Что за удовольствіе летать? Я не птица.

— Я думала, что тебѣ пріятно будетъ. У насъ другого занятія нѣтъ.

— У васъ? Да кто вы такіа?

Отвѣта не было.

— Ты не смѣешь мнѣ это сказать?

Жалобный звукъ, подобный тому, который разбудилъ меня въ первую ночь, задрожалъ въ моихъ ухахъ. Между тѣмъ мы продолжали чуть замѣтно двигаться по влажному ночному воздуху.

— Пусти-жъ меня! промолвилъ я. Спутница моя тихо отклонилась — и я очутился на ногахъ. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрѣлъ ей въ лицо: по прежнему оно выражало покорную грусть.

— Гдѣ мы? спросилъ я. Я не узнавалъ окрестныхъ мѣстъ.

— Далеко отъ твоего дома, но ты можешь быть тамъ въ одно мгновеніе.

— Какимъ это образомъ? Опять довѣриться тебѣ?

— Я не сдѣлала тебѣ зла и не сдѣлаю. Полетаемъ съ тобой до зари, вотъ и все. Я могу тебя отнести куда только ты вздумаешь — во всѣ края земли. Отдайся мнѣ! Скажи опять: возьми меня!

— Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мнѣ, ноги мои опять отдѣлились отъ земли — и мы полетѣли.

VI

— Куда? спросила она меня.

— Прямо, все прямо.

— Но тутъ лѣсъ?

— Поднимись надъ лѣсомъ — только тише.

Мы взмыли къверху какъ вальдшнепъ, налетѣвшій на березу — и опять понеслись въ прямомъ направленіи. Въместо травы, вершины деревьевъ мелькали у насъ подъ ногами. Чудно было видѣть лѣсъ сверху, его щетинистую спинну, освѣщенную луной. Онъ казался какимъ-то огромнымъ, заснувшимъ звѣремъ и со-

провождать насъ широкимъ, непрестаннымъ порохомъ, похожимъ на невнятное ворчанье. Кое-гдѣ попадалась небольшая поляна; красиво чернѣла съ одной ея стороны зубчатая полоса тѣни... Заяцъ изрѣдка жалобно кричалъ внизу; сверху сова свистала, тоже жалобно; въ воздухѣ пахло грибами, почками, зарей-травой; лунный свѣтъ такъ и разливался во всѣ стороны — холодно и строго; «стожары» блистали надъ самой головой. Вотъ и лѣсъ остался позади; въ полѣ протянулась полоса тумана: это рѣка текла. Мы понеслись вдоль одного изъ ея береговъ надъ кустами, отяжелѣвшими и неподвижными отъ сырости. Волны на рѣкѣ то лоснились синимъ лоскомъ, то катились темныя и словно злыя. Мѣстами странно двигался надъ ними тонкій паръ — и чашки водныхъ лилій дѣвственно и пышно бѣлѣли всѣми своими распустившимися лепестками, точно знали что до нихъ добраться невозможно. Мнѣ вздумалось сорвать одну изъ нихъ — и вотъ я уже очутился надъ самой гладью рѣки... Сырость непріятно ударила мнѣ въ лицо, какъ только я перервалъ тугой стебель крупнаго прѣвка. Мы начали перелетывать съ берега на берегъ, какъ кулички песочники, которыхъ мы то и дѣло будили и за которыми гнались. Намъ не разъ случалось налетать на семейку дикихъ утокъ, расположенныхъ кружкомъ на чистомъ мѣстечкѣ между тростниками — по онѣ не шевелились: развѣ одна изъ нихъ торопливо вынетъ шею изъ-подъ крыла, посмотритъ, посмотритъ, и хлопотливо засунетъ опять носъ въ пушистыя перья, а другая слабо крикнетъ, при чемъ все ея тѣло немножко дрогнетъ. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась изъ ракитоваго куста, болтала ногами и съ неуклюжимъ усиліемъ махала крыльями: тутъ она мнѣ показалась дѣйствительно похожей на бѣмца. Рыба нигдѣ не плескалась — спала тоже. Я начиналъ привыкать къ ощущенію полета и даже находилъ въ немъ пріятность: меня пойметъ всякій, кому случалось летать во снѣ. Я приваялся съ большимъ вниманіемъ разсматривать странное существо, по милости котораго со мной совершались такія неправдоподобныя событія.

VII

Это была женщина съ маленькимъ, не русскимъ лицомъ. Изсѣра бѣловатое, полупрозрачное, съ едва-означенными тѣнями,

оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазѣ—и опять показалось мнѣ знакомымъ.

— Можно съ тобой говорить? спросилъ я.

— Говори.

— Я вижу у тебя кольцо на пальцѣ; ты стало-быть жила на землѣ—ты была замужемъ?

Я остановился... Отвѣта не было.

— Какъ тебя зовутъ—или звали, по крайней мѣрѣ?

— Зови меня Эллисъ.

— Эллисъ! Это англійское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты именно ко мнѣ явилась?

— Я тебя люблю.

— И ты довольна?

— Да; мы носимся, мы кружимся съ тобою по чистому воздуху!

— Эллисъ! сказать я вдругъ — ты можешь-быть преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась. — Я тебя не понимаю. лепнула она.

— Заклинаю тебя именемъ Бога, началъ было я...

— Что ты говоришь? промолвила она съ недоумѣніемъ. Я не понимаю. — Мнѣ показалось что рука, лежавшая холодноватымъ поясомъ вокругъ моего стана, тихо шевельнулась...

— Не бойся, промолвила Эллисъ — не бойся, мой милый! — Ея лицо обернулось и придвинулось къ моему лицу... Я почувствовалъ на губахъ моихъ какое-то странное ощущеніе, какъ-бы прикосновеніе тонкаго и мягкаго жала... Незная пивки такъ берутся.

VIII

Я взглянулъ внизъ. Мы уже опять успѣли подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали надъ неизвѣстнымъ мнѣ уѣзднымъ городомъ, расположеннымъ на скатѣ широкаго холма. Церкви высались среди темной массы деревянныхъ крышъ, фруктовыхъ садовъ; длинный мостъ чернѣлъ на изгибѣ рѣки; все молчало, отягченное сномъ. Самые купола и кресты, каза-

доль. блестяи безмолвнымъ блескомъ: безмолвно торчали высокіе шести колодцевъ возлѣ круглыхъ шапокъ рабитъ; бѣлесоватое шоссе узкой стрѣлой безмолвно вливалось въ одинъ конецъ города—и безмолвно выбѣгало изъ противоположнаго конца на сумрачный просторъ однообразныхъ полей.

— Что это за городъ? спросилъ я.

— ... совъ.

— ... совъ въ... ой губерніи?

— Да.

— Далекъ же я отъ дому!

— Для насъ отдаленности нѣтъ.

— Въ самоѣ дѣлѣ?—Внезапная удаля вспыхнула во мнѣ.— Такъ неси же меня въ Южную Америку!

— Въ Америку не могу. Тамъ теперь день.

— А мы съ тобой ночныя птицы. Ну куда нибудь, куда можно, только подальше.

— Закрой глаза и не дыши, отвѣчала Эллисъ— и мы помчались съ быстротою вихря. Съ потрясающимъ шумомъ врываются воздухъ въ мои уши.

Мы остановились, но шумъ не прекращался. Напротивъ: онъ превратился въ какой-то грозный ревъ, въ громовой гулъ...

— Теперь можешь открыть глаза, сказала Эллисъ...

IX

И повиновался... Боже мой, гдѣ я?

Надъ головой тяжелыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ какъ стадо злобныхъ чудовищъ... а тамъ внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Бѣлая пѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ на немъ буграми—и, вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громадный, какъ смоля черныи утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечныя выстрѣлы, на колокольный звонъ—раздирающій визгъ и срежетъ прибрежныхъ голышей, внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть, смерть и ужасъ... Голова у меня закружилась—и я сподѣ съ замираіемъ закрыть глаза...

— Что это! гдѣ мы?

— На южномъ берегу острова Уайтъ, передъ утесомъ Благгангъ, гдѣ такъ часто разбиваются корабли — промолвила Эллисъ на этотъ разъ особенно отчетливо и, какъ мнѣ показатось, не безъ злорадства...

— Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой!

Я сжался весь, стиснулъ лицо руками... Я чувствовалъ, что мы понеслись еще быстрѣе прежняго; вѣтеръ уже не вылъ и не свисталъ — онъ визжалъ въ моихъ волосахъ, въ моемъ платьѣ... духъ захватывало...

— Стань же на ноги, раздался голосъ Эллисъ.

Я силился овладѣть собою, своимъ сознаниемъ... Я ощущалъ подъ подошвами землю и не слышалъ ничего, точно все замерло кругомъ... только въ виски неровно стучала кровь и съ слабымъ внутреннимъ звономъ все еще кружилась голова. Я выпрямился и открылъ глаза.

X

Мы находились на плотинѣ моего пруда. Прямо передо мною съвозъ острые листья рагитъ виднѣлась его широкая гладь съ кое-гдѣ приставшими волокнами пушистаго тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; на лѣво вздымались деревья сада, длинныя, неподвижныя и какъ будто сырыя... Утро уже дохнуло на нихъ. По чистому сѣрому небу тянулись, словно полосы дыма, двѣ-три косыя тучки; онѣ казались желтоватыми—первый слабый отблескъ зари падать на нихъ, Богъ вѣсть откуда: глазъ еще не могъ различить на поблѣвшемъ небосклонѣ то мѣсто, гдѣ она должна была заняться. Звѣзды исчезли: ничего еще не шевелилось, хотя все уже просыпалось въ очарованной тишинѣ ранняго полусвѣта.

— Утро! вотъ утро!—воскликнула надъ самымъ моимъ ухомъ Эллисъ... Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отдѣляясь отъ земли, она плыла мимо— и вдругъ подняла обѣ руки надъ головою. Эта голова и рука и плеча мгновенно вспыхнули тѣлеснымъ теплымъ цвѣтомъ; въ темныхъ глазахъ дрогнули живыя искры; усмѣшка тайной нѣги шевельнула покраснѣвшія губы... Прелестная женщина внезапно воз-

никала передо мною... Но какъ бы падая въ обморокъ, она тотчасъ опрокинулась назадъ и растаяла какъ паръ...

И остался недвижимъ.

Когда я опомнился и оглянулся, мнѣ показалось, что тѣлесная, блѣдно-розовая краска, пробѣжавшая по фигурѣ моего призрака, все еще не исчезла, и, разлитая въ воздухъ, обдавала меня кругомъ... Это заря загоралась. И вдругъ почувствовать крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я слышалъ первое утреннее лепетанье гусенятъ (раньше ихъ ни одна птица не просыпается): вдоль крыши, на концѣ каждой притужины сидѣло по галкѣ — и всѣ онѣ хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочномъ небѣ. Изрѣдка онѣ разомъ всѣ поднимались—и, полетавъ немного, садились опять рядкомъ, безъ крика... Изъ недалекаго лѣса два раза принеслось сильно-свѣжее чубыкалье черныша-тетерева, только что слѣтѣвшаго въ росистую, ягодами заросшую траву... Съ легкой дрожью въ тѣлѣ я добрался до постели и скоро заснулъ крупнымъ сномъ.

XI

На слѣдующую ночь, когда я сталъ подходить къ старому дубу, Элисъ понеслась мнѣ на встрѣчу какъ къ знакомому. Я не боялся ея по вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять что со мной происходило: мнѣ только хотѣлось полетать подале, по любопытнымъ мѣстамъ.

Рука Элисъ опять обвилась вокругъ меня—и мы опять помчались.

— Отправимся въ Италію, испнууть я ей на ухо.

— Куда хочешь, мой милый, отвѣчала она торжественно и тихо—и тихо и торжественно повернула ко мнѣ свое лицо. Оно показалось мнѣ не столь прозрачнымъ какъ наканунѣ; болѣе женственное и болѣе важное, оно напомнило мнѣ то прекрасное созданіе, которое мелькнуло передо мной на утренней зарѣ передъ разлукой.

— Нынѣшняя ночь — великая ночь, продолжала Элисъ. Она наступаетъ рѣдко—когда семь разъ тринадцать...

Тутъ я не дослушалъ нѣсколько словъ.

— Теперь можно видѣть что бываетъ закрыто въ другое время.

— Эллис! возмолися я, да кто же ты? скажи мнѣ наконецъ!

Она молча подняла свою длинную бѣлую руку.

На темномъ небѣ, тамъ куда указывалъ ея палець, среди мелкихъ звѣздъ, красноватой чертой сіяла комета.

— Какъ мнѣ понять тебя? началъ я. Или ты — какъ эта комета носится между планетами и солнцемъ—носишься между людьми... и чѣмъ?

Но рука Эллисъ внезапно нагнулась на мои глаза... Словно бѣлый туманъ изъ сырой долины обдалъ меня...

— Въ Италію! въ Италію! послышался ея шопотъ.—Эта ночь—великая ночь!

XII

Туманъ передъ моими глазами разсѣялся, и я увидаль подъ собою безконечную равнину. Но уже по одному прикосновенію теплаго и мягкаго воздуха къ моимъ щекамъ я могъ понять, что я не въ Россіи; да и равнина та не походила на наши русскія равнины. Это было огромное, тусклое пространство, по-видимому не поросшее травой и пустое; тамъ и сямъ, по всему его протяженію, подобно небольшимъ обломкамъ зеркала, блистали стоячія воды; вдаль смутно видѣлось несмынное, недвижимое море. Крупныя звѣзды сіяли въ промежуткахъ большихъ, красивыхъ облаковъ: тысячеголосная, немолчная и все таки негромкая трель поднималась отовсюду—и чуденъ былъ этотъ пронзительный и дремотный гулъ, этотъ ночной голосъ пустыни...

— Понтійскія болота, промолвила Эллисъ. — Слышишь лягушекъ? чувствуешь запахъ сѣры?

— Понтійскія болота... повторилъ я, и ощущение величавой унылости охватило меня. — Но зачѣмъ принесла ты меня сюда, въ этотъ печальный, заброшенный край? Полетимъ лучше къ Риму.

— Римъ близко, отвѣчала Эллисъ... Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйволъ медленно подпалъ изъ вязкой тины свою косматую, чудовищную голову съ короткими вихрами щетинъ между криво назадь загнутыми рогами. Онъ косо повелъ бѣлками безсмысленно-злобныхъ глазъ и тяжело фыркнулъ мокрыми ноздрями, словно почувалъ насъ.